

Андрей А. Мальцев

преподаватель, общественный деятель

Четыре несводимых друг к другу позиции в современном марксизме

В СССР социализма не было

В СССР был построен мелкобуржуазный (искаженный)
социализм

В СССР строился нормальный социализм, и, если бы не
предательство, сейчас шло бы построение коммунизма

* * *

Страна, промышленно более развитая, показывает менее
развитой ее будущее

Приложение критики Ф. Энгельсом “теории насилия
Дюринга” к критике Октябрьской революции

Современный марксизм в его отечественном варианте является внутренне противоречивой научной концепцией – чему доказательством являются нескончаемые споры адептов различных марксистских позиций. Споры эти бесконечны, поскольку для выяснения истинности или ложности той или иной позиции не применяются обычные в науке инструменты отбрасывания ложных гипотез¹ (только так можно было бы преодолеть кризис марксизма), а вполне в духе схоластических средневековых философских диспутов доказывается соответствие той или иной позиции высказываниям классиков марксизма, которые априорно полагаются истинными. Ну, разве что средневековые схоласты апеллировали к Аристотелю, а современные марксисты – к Марксу, Энгельсу и Ленину.

Причина такого разноречия позиций заключается в том, что сам исходный марксизм Маркса-Энгельса внутренне противоречив, а потому цитатами можно доказать прямо противоположные утверждения.

Это и приводит к тому, что в современном отечественном марксизме наиболее массовыми являются три несводимых друг к другу позиции, причем каждая из них в свою очередь распадается на целый класс сходных, но несколько различающихся позиций.

В СССР социализма не было

Эта позиция идет от утверждения, что социализм – первая фаза коммунизма, т.е. общество без эксплуатации и классовых антагонизмов. А также от связанного с ним утверждения, что пролетариату нужно только такое государство, которое немедленно после взятия власти пролетариатом начнет отмирать: «Пролетариату нужно государство — это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и «забывая» добавить, что, во-первых, по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторых, трудящимся нужно «государство», «то есть организованный в господствующий класс пролетариат»².

В СССР же государство и не думало отмирать... вообще, надо еще поискать такое государство, которое менее всего можно было бы посчитать отмирающим – пока оно не рухнуло.

В СССР можно было заметить многочисленные классовые противоречия, самым ярким из которых было противоречие между чиновниками (номенклатурой) и остальными классами. Подавление сопротивления буржуазии, на самом деле имевшееся в первые годы советской власти (Гражданская война) и служившее оправданием превращения пролетариата в господствующий класс (а не отмену себя как класса вместе с отменой классов вообще, как первоначально предполагалось в марксизме), довольно быстро превратилось в подавление крестьянства, составлявшего в тот момент *большинство* населения страны, которое сопротивлялось индустриализации (неэквивалентному обмену между Городом и Деревней, введенному для финансирования промышленного развития – то есть сопротивлялось эксплуатации крестьянства “господствующим рабочим классом”) и было жестко подавлено Коллективизацией.

(О чем-то подобном, кстати, еще в 1917 году предупреждал Г.В. Плеханов: «В населении нашего государства пролетариат составляет *не большинство, а меньшинство*. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист»³.) Дискриминация инженеров (интеллигенции) сохранялась на всем протяжении советской власти (до 80-х годов) хотя бы в виде лимита на вступление в правящую партию. Можно упомянуть и противоречия между "торговой мафией" и народом... Конечно, считалось, что торговая мафия противозаконна, однако же она была вездесуща, то есть по факту существовала, процветала, извлекала незаконную прибыль и порождала коррупцию, ставшую особенно заметной в 70-80-е годы – то есть эксплуатировала народ, насколько это ей удавалось. Да еще и разлагала коррупцией “советский строй”.

Стоит заметить, что торговая мафия – прямое следствие незрелой экономической базы СССР, т.е. не диалектического *самоотрицания* частной собственности, а метафизической отмены этой собственности политическими декретами. Если уровень экономического развития не позволяет отменить товарное производство, то политической отменой частной собственности можно только ухудшить положение, а сама частная собственность просто уйдет в область теневой экономики.

О чем-то подобном (при попытке отменить частную собственность, но сохранить при этом товарное производство) писал еще Ф. Энгельс: «На мировом рынке золото и серебро остаются мировыми деньгами, всеобщим покупательным и платежным средством, абсолютным общественным воплощением богатства. А вместе с этой ролью благородного металла возникает для отдельных членов хозяйственной коммуны новый мотив к образованию сокровищ, к обогащению, к ростовщичеству, - мотив, толкающий на то, чтобы свободно и независимо лавировать как по отношению к коммуне, так и за ее рубежом, реализуя на мировом рынке накопленное частное богатство. Ростовщичество превращаются в торговцев средствами обращения, в банкиров, в господ, владеющих средствами обращения и мировыми деньгами, а

следовательно, в господ, захвативших в свои руки производство и самые средства производства, хотя бы эти последние еще много лет продолжали фигурировать номинально как собственность хозяйственной и торговой коммуны. Но тем самым эти превратившиеся в банкиров собиратели сокровищ и ростовщики становятся также господами самой хозяйственной и торговой коммуны»⁴.

Борьба народа против номенклатуры внутри самой правящей партии большевиков началась сразу же после победы в Гражданской войне. Оппозиционная ЦК платформа «децистов» указывала на отсутствие внутрипартийной демократии – Центральный комитет начинал превращаться в оторванную от масс правящую группировку. «Рабочая оппозиция» обвиняла ЦК в том, что диктатура пролетариата подменяется диктатурой номенклатуры. Именно за внутрипартийную демократию боролись троцкисты – неудивительно, что все проводники идеологии номенклатуры, прикрывающиеся идеологией рабочего класса, считают троцкистов своими главными врагами. В борьбе с различными оппозициями (иногда довольно жестокой – вплоть до расстрелов) крепло и усиливалось советское государство – ни о каком его отмирании говорить неправомерно.

Вот что говорится во Второй Программе РКП(б): «Заменяв частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем самым освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другой»⁵. То есть в 1918-19 годах большевики еще намеревались (во всяком случае декларировали такое намерение, не важно – хотели они этого на самом деле, или нет) уничтожить классы и эксплуатацию, а значит и государство. Однако необходимость обороны от империалистического окружения вынудила усиливать государство (как минимум – создавать армию). А раз сохранялись государство и классы, следовательно, с точки зрения марксизма,

должна была в каком-то виде сохраняться эксплуатация. Этот эффект и проявился в ближайшие годы – Великий Перелом.

Рассмотрим этот процесс детальнее.

Власть принадлежала (формально) рабочему классу. И для сохранения этой власти (по многочисленным и разнообразным причинам) необходима была Индустриализация. В *естественных* условиях индустриализацию проводят капиталисты довольно зверскими способами. В наших условиях капиталисты от власти были устранены, и организовывать индустриализацию должна была советская власть (формально правящий рабочий класс). А поскольку внешнее окружение нашей страны было крайне враждебным, необходима была форсированная индустриализация. Для ее финансирования нужны были деньги.

Денег не было.

В *естественных* условиях капиталисты проводят индустриализацию за счет ограбления крестьянства как класса (поскольку крестьяне – наиболее массовый класс доиндустриального периода), получая за это полагающуюся им меру морально-этических обвинений и проклятий. В наших условиях рабочий класс (большевики как партия номинально этого класса) ввели неэквивалентный обмен между Городом и Деревней, т.е. стали завышать цены на промышленные потребительские товары, а для сельхоз продуктов ввели потолки цен, объявляя каждого, кто завышал цену на продукты, спекулянтom или кулаком. С точки зрения марксизма такой неэквивалентный обмен надлежит квалифицировать как эксплуатацию крестьянства рабочим классом – наличие классов *неизбежно* ведет к эксплуатации.

Крестьяне ответили тем, что начали сокращать посевные площади, снижая производство неоплаченного зерна. Разразился продовольственный кризис. В отсутствии хлеба (вполне *естественном*, то есть отсутствии в философском смысле *исторически-материальном*) обвинили кулаков и вредителей (перевели стрелки в область *идеологии*, область *исторически-идеального* в философском смысле – отсутствие хлеба не *объективно* возникшая ситуация,

не естественная реакция на эксплуатацию, а происки вредителей), и провели Раскулачивание и Коллективизацию, то есть рабочий класс подавил сопротивление крестьянства эксплуатации репрессивными методами – государство в чистом виде, отмазки насчет внешней угрозы уже не проходят. Ни о каком отмирании государства говорить *неправомерно*. Советское государство и в дальнейшем не демонстрировало хоть какие-то признаки отмирания. Да вот опять же: «Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства»⁶.

Таким образом, невозможно констатировать наличие в СССР социализма (первой фазы коммунизма).

Но если в СССР не было социализма, то какая же формация тогда имела? Очевидно, что какая-то предыдущая – либо капитализм (Октябрьская революция свои задачи не решила), либо даже феодализм (Февральская революция также провалилась).

О том, что в СССР существовала какая-то форма феодализма, говорили М. Восленский⁷ и, например, А. Хоцей⁸. Впрочем, определять в СССР такую архаичную формацию потребовалось им для того, чтобы ставить задачу буржуазной революции – актуальный лозунг современных либералов.

Здесь явно прослеживается логическое кольцо – необходимость ставить задачу буржуазной революции заставляет их определять принадлежность Советского Союза феодальной формации. Но в СССР существовал уж никак не феодальный способ производства – основой производства была фабрика (капиталистический способ) либо даже НИИ (постиндустриальный способ). А потому сторонников этой экзотической точки зрения среди марксистов ничтожно мало.

Гораздо шире распространено мнение, что в СССР был государственный капитализм. Это мнение основывается на том, что в СССР не было частной собственности (она была вне закона), то есть не могло быть классического капитализма: «Неуклонно продолжать и довести до конца начатую в главном и основном уже законченную экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность Советской республики,

т.е. в общую собственность всех трудящихся»⁹. Но в СССР существовал товарный обмен, а наличие если не прибавочной стоимости, то прибавочного продукта признавала даже официальная политэкономия социализма. А раз так, можно ставить вопрос об эксплуатации, но эксплуататором выступает не отдельный капиталист, а государство в целом. И потому характер советского государства определяется как государственный капитализм. В таком определении нет ничего нового, поскольку советский строй так определялся еще в начале XX века: «Государственное рабство — таков был кульминационный пункт большевистского коммунизма. А когда эксперимент не удался, то не осталось ничего иного, как вернуться к государственному капитализму»¹⁰.

В своем неприятии госкапитализма (или государственного социализма) представители этой позиции ссылаются на Энгельса, под влиянием которого в Эрфуртскую программу было включено положение: «Социал-демократическая партия не имеет ничего общего с так называемым государственным социализмом, системой огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего»¹¹.

Цель государственного социализма, возмущался Ф. Энгельс, — «превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих ... Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков — хорош социализм»¹².

А поскольку это возмущение Ф. Энгельса вполне применимо к социальной реальности Советского Союза, постольку в СССР социализма не было.

О том, какой строй получился (получится) в СССР, лучше всего написали сами Маркс-Энгельс. Вот как они описывали первую «грубую и неосмысленную» форму коммунизма:

«категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей /.../

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* всеобщности:

труд — как предназначение каждого, а *капитал* — как признанная всеобщность и сила всего общества. /.../

Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*. /.../ он тоже еще находится в плену у частной собственности и заражен ею»¹³.

Категория рабочего не отменяется, да и не могла отменяться в силу того, что в момент Октябрьской революции базиса социализма в России не было. Этот базис надо было еще только построить – именно поэтому большая часть истории СССР есть построение такого базиса. А раз так, то категория рабочего распространяется на всех (или почти всех) граждан СССР, а в Уголовном кодексе появляется статья за тунеядство.

По этой же причине невозможно было отменить государство и товарное производство – после уничтожения буржуазии именно государство становится организатором производства, превращается во “всеобщего капиталиста”.

Достигнутый к началу (даже к концу) XX века уровень экономического развития не позволял отказаться от наемного труда. «Заработная плата есть непосредственное следствие отчужденного труда, а отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности. Поэтому с падением одной стороны должна пасть и другая»¹⁴.

Но если это так, то попытка “положительного упразднения частной собственности” в условиях, когда наемный труд отменить было невозможно, являлась иллюзорной. В стране устанавливается государственный социализм. А поскольку номенклатура – класс,

становится невозможно говорить о социальной справедливости и какой-либо фазе действительного коммунизма. (Тем не менее Советский Союз пытался утвердить себя в качестве *положительной общности* – именно поэтому проводники идеологии номенклатуры, прикрывающиеся рабочим классом, отрицают наличие в СССР классовых антагонизмов и не признают номенклатуру в качестве класса.)

Хотя надо отметить несколько ошибочную трактовку класса номенклатуры представителями этой позиции. То, что номенклатура класс, признается, но при этом она ошибочно отождествляется с классом капиталистов, говорится о ее буржуазном характере — *гос-капитализм*.

На такой позиции стоят многие меньшевики, довольно часто троцкисты (хотя сам Л.Д. Троцкий считал все-таки СССР социалистическим), нередко к такому мнению приходят марксисты-ленинцы (когда они констатируют классово-антагонистический характер СССР), например, экономперсоналисты.

Представители позиции “госкапитализма” резко отрицательно относятся к И. Сталину, поскольку именно с его фигурой связывают обычно усиление в СССР государства, да и идею построения социализма в одной отдельно взятой стране также приписывают Сталину. В общем, это вполне традиционный для марксизма взгляд на СССР, практически единственная позиция в современном отечественном марксизме, представители которой полностью остались в рамках исторического материализма.

В СССР был построен мелкобуржуазный (искаженный) социализм

Вторая позиция утверждает, что социализм в СССР все же построен был, пусть и не сразу. Хотя в момент Октябрьской революции ни о каком базисе социализма речи не шло (именно поэтому большинство марксистов, включая сюда и большевиков, не считали возможным в марте 1917 года ставить задачу социалистической революции), но к 60-м годам этот базис построен был, и КПСС взяла курс на построение коммунизма.

Капитализм – это частная собственность и анархия производства, что порождает, *и не может не породить*, периодические кризисы неплатежей (перепроизводства). В СССР же кризисов перепроизводства не было, частная собственность была под запретом, а собственность была либо государственная, либо общественная (личную не считаем, так как личную нельзя использовать для получения прибавочной стоимости).

Соответственно, в СССР никак не мог быть капитализм, а была какая-то формация, следующая за капитализмом, т.е. более прогрессивная. В марксизме следом за капитализмом идет коммунизм, правда не сразу, а с переходным периодом, именуемым социализмом – делается вывод, что в СССР был именно социализм. Но поскольку по многим параметрам можно было спорить, что в СССР социализм ([смотрите выше позицию “госкапитализма”](#)), постольку социализм был неправильный, мелкобуржуазный или еще какой-либо искаженный. Социализм по-Дюрингу, а не по-Энгельсу, к примеру.

Причиной такого неправильного социализма указывают отсутствие базиса социализма в момент революции. В 1917 году около 80% населения России составляли крестьяне. А потому именно они, а вовсе не рабочие, определили характер советского государства.

Кроме того, обращается внимание, что обычно революция не достигает всех целей сразу, а идет колебательный процесс, как это было, к примеру, с Великой Французской буржуазной революцией. Она завершилась термидором, а затем установлением империи Наполеона, после чего последовало восстановление монархии Бурбонов.

Далее революция 1830 года, а за ней снова реакция. Опять революция 1848 года – и так далее. А ведь как раз политическое развитие Франции брал К. Маркс за модель политического развития капиталистической формации.

Поэтому предлагается принять, что и социализм как формация также восторжествует после череды революций и контрреволюций – в этом смысле СССР и его крах воспринимаются как этап

длительного процесса становления социализма, а раз так, то нет ничего удивительного, что социализм первого социалистического государства получился не вполне правильным, искаженным, недостроенным. Но это был, по мнению сторонников этой позиции, именно социализм, а не госкапитализм.

При этом опять же можно сослаться на мнение Ф. Энгельса о госкапитализме: «Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил... Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки»¹⁵, — это случай, когда госкапитализм (государственный социализм) наступает без революции, эволюционным путем, то есть сохраняется прямая преемственность с предыдущим капиталистическим государством.

Вот что говорил по поводу эволюционного пути Энгельс незадолго до смерти: «До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распространяющийся в большей части социал-демократической печати оппортунизм. /.../

Убеждают самих себя и партию в том, что “современное общество вырастает в социализм”, не задавая себе вопроса, не перерастет ли оно тем самым с такой же необходимостью свой старый общественный порядок; не должно ли оно разорвать эту старую оболочку так же насильственно, как рак разрывает свою, не предстоит ли ему в Германии, кроме того, разбить оковы еще полуабсолютистского и к тому же невыразимо запутанного политического строя.

Можно себе представить, что старое общество могло бы мирно вырасти в новое в таких странах, где народное представительство сосредотачивает в своих руках всю власть, где конституционным

путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где предстоящее отречение династии за денежное вознаграждение ежедневно обсуждается в печати и где эта династия бессильна против воли народа. Но в Германии, где правительство почти всевластно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти, – в Германии провозглашать нечто подобное, и притом без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы.»¹⁶.

По мнению сторонников позиции “искаженного социализма” в России произошла революция, капиталистическое государство было сломано, на его место пришло сначала рабоче-крестьянское, а затем общенародное государство, а потому в СССР был не госкапитализм, а именно социализм, пусть и несовершенный. Тем более, что основное содержание дореволюционной деятельности В.И. Ленина была как раз борьба за революционный марксизм против марксизма эволюционного, оппортунистического.

Таким образом, для представителей позиции “искаженного социализма” не развитие производительных сил общества, не зрелость базиса являются главным основанием для признания факта формационного перехода к более прогрессивной формации, а чисто надстроечное событие – политическая революция. В этом проявляется отход этой позиции от исторического материализма.

Факт наличия или отсутствия эксплуатации представители этой позиции обосновывают не анализом реальных отношений в обществе, не фактом наличия единого государства-собственника, *нанимающего* на работу всех граждан, соответственно, *извлекающего из них прибавочный продукт*, а тем была ли революция, то есть старое государство было сломано (соответственно по их мнению, эксплуатации народа этим старым, уничтоженным государством нет – не поспоришь), или же революции не было, то есть сохранилось бы старое государство (соответственно, оно продолжало бы эксплуатацию) – в этом ярко проявляется исторический идеализм представителей позиции

“искаженного социализма”. (Как будто бы новое, “рабочее” государство не может быть эксплуататорским? То, что Вася – вор, не является и не может являться доказательством того, что Вова не бандит. Факт уголовного преступления Васи не создает алиби для Вовы – это разные процессы.)

Поскольку представители этой позиции считают социальную реальность СССР социалистической, они полностью отрицают наличие в СССР классовых антагонизмов и эксплуатации (иначе не смогли бы считать реальность социалистической). Наличие социального слоя номенклатуры признается, и многочисленные привилегии номенклатуры также признаются, но полностью отрицается ее классовый характер – это главное отличие от взглядов сторонников “госкапитализма в СССР”.

Вот к примеру: «Как известно, бюрократия не является самостоятельным классом. /.../ Конечно, это не мешает ей иметь свои собственные интересы, которые она удовлетворяет за счет привилегий правящей касты. /.../ Сталин как персонификация советской бюрократии, как ее вождь был вынужден одновременно защищать советский строй и деформировать его, защищать завоевания революции и извращать ее социалистическую направленность»¹⁷.

«Ведущей социальной силой нового промышленного уклада стали не работники, а бюрократия. /.../ сложившийся в промышленности уклад представлял собой плод определенного союза между бюрократией и пролетариатом при ведущей роли первой.»¹⁸

«И вот с течением времени социальная основа советского строя стала неизбежно размываться. Бюрократия, укрепив свое господство и начав превращаться в замкнутую наследственную касту, все более обособляла свои интересы от интересов остального общества. /.../ Оформляется стремление бюрократии превратиться из господствующего сословия в класс»¹⁹.

Но это превращение номенклатуры в класс представители этой позиции связывают не с СССР середины XX века, а уже с Перестройкой и произошедшей “реставрацией капитализма”.

Несмотря на то, что привилегии номенклатуры начали зарождаться еще в предвоенный период и стали совершенно заметны в послевоенный (одно из массовых народных требований Перестройки – отмена привилегий номенклатуры), наличие таких привилегий никак не является для представителей этой позиции основанием для вывода о классовом характере номенклатуры – если бы такой вывод был сделан, невозможно стало бы говорить о “социализме в СССР”, пусть и искаженном.

Обычно приводится аргумент, что прибавочный продукт в СССР направлялся в общественные фонды потребления и шел на потребление всего народа, а не только номенклатуры (но в таком случае зачем вообще говорить о каких-то привилегиях?), и номенклатура – да, управляла, но управляла в интересах всего советского народа, а не в своих собственных.

Но вот возьмем случай другой формации, скажем, феодальной. Феодалы были привилегированным классом и эксплуатировали остальной народ. А было ли возможно в те годы существование народа без государства, соответственно без феодалов? В условиях постоянных феодальных межгосударственных войн? Массированной внешней агрессии иностранного феодального войска могло противостоять только отечественное профессиональное феодальное войско. Феод был экономической основой поддержания боеспособности отечественной армии.

Да, феодалы эксплуатировали крестьян. Но они одновременно защищали их от иностранного порабощения и еще большей эксплуатации, а то и полного уничтожения – и без наличия класса феодалов *успешная защита была бы невозможна*. И как же тогда можно утверждать, что феодалы управляли страной не в интересах всего населения? Такое управление (в интересах всего народа) ничуть не противоречит одновременной феодальной эксплуатации этого народа. Не зря же именно в крестьянской массе так велик рейтинг царя – первого феодала среди равных.

Представители позиции “искаженного социализма” просто плохо понимают исторический материализм. *Любая* формация является *прогрессивной* в момент своего первоначального возникновения – факт наличия (развития) в этой формации

эксплуататорского класса дела не меняет. Возникновение новой, более прогрессивной формации происходит в интересах *всего народа* – только так можно в конечном счете прийти к коммунизму. И длительное время (пока новая формация находится на восходящем пути своего развития) развитие новой формации приводит не только к росту богатства новой элиты (факт эксплуатации), но и к повышению жизненного уровня широких народных масс (“управление в интересах всего народа”). Сравните, к примеру, жизненные уровни рабочего класса и крестьянства в дореволюционной России. Или почитайте «Манифест» – о прогрессивной роли буржуазии²⁰. И что же теперь? На основании «Манифеста» (что он говорит об этой прогрессивности капиталистов) отказываться признавать факт эксплуатации капиталистами рабочих? Занятная логика.

Общность интересов номенклатуры и советского народа вполне подобна такой же общности на другом формационном уровне: «Пока наемный рабочий остается наемным рабочим, судьба его зависит от капитала. Это и есть пресловутая общность интересов рабочего и капиталиста»²¹.

Отказ признавать классовый характер номенклатуры является не анализом социальной действительности и выводом на основе такого анализа, а навязыванием социальной реальности априорных схем, основанных на утверждении о “социалистичности” Советского Союза – явное проявление исторического идеализма.

Само существование *государства* должно говорить о классово-антагонистическом характере советского строя. «Благодаря высвобождению частной собственности из общности [Gemeinwesen], государство приобрело самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его»²².

То есть государство возникает (выделяется из общества) вследствие появления эксплуатации и с ее устранением снова должно раствориться в обществе.

На позиции “искаженного социализма” стоят многочисленные представители марксизма-ленинизма, осознающие существование различных проблем в советском социализме, прежде всего

представители «Постсоветской школы критического марксизма», но не только. К примеру, те троцкисты, кто вслед за Л. Троцким полагают СССР социалистическим государством, также стоят на этой позиции – именно Л.Д. Троцкий первым выделил социальный слой советской номенклатуры, но он же до самой смерти отказывался признавать ее классовый характер, поскольку тогда пришлось бы сказать, что *социалистическая* революция, одним из двух главных творцов которой (наряду с В.И. Лениным) он был, потерпела сокрушительное поражение.

Представители этой позиции негативно относятся к И. Сталину, полагая его главным виновником “искажений социализма”, хотя нередко признают его роль в построении сильного государства, необходимого для защиты завоеваний революции, соответственно, повышению авторитета СССР, а вместе с тем и идеи коммунизма, на международной арене.

В СССР был построен нормальный социализм

Наконец, апологеты Сталина утверждают, что в СССР был построен социализм, и этот социализм был вполне нормальный – каким он и должен был бы быть при имеющихся условиях.

База социализма к 60-м годам была построена, уровень жизни народа повышался, промышленность развивалась, так что, если бы не предательство руководства КПСС (Горбачев, еще ранее Хрущев), то мы сейчас строили бы коммунизм, а развалился бы не СССР, а США. (Кстати вполне возможный вариант при условии некоторых реформ в советской экономике – смотрите опыт Китая.)

О противоречии этой позиции марксизму говорил еще Г.В. Плеханов, который назвал «Апрельские тезисы» В.И. Ленина бредом, поскольку они явно противоречили историческому материализму – положению о том, что революции созревают на основе развитых противоречий в основном способе производства, а для этого, в свою очередь, необходимо, чтобы этот способ производства развился до такой степени, что начал порождать противоречия и не мог их не порождать: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно

простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»²³.

А поскольку капитализм, по мнению сторонников этой позиции, в современном мире спокойно существует и значительно развился с 1917 года...

Дежурные указания на загнивание и близкий крах капитализма – это ничего не значащие слова, поскольку капитализм “загнивает” вот уже более 100 лет, и крах этому капитализму также предсказывался еще полтора столетия назад, а потому нет никакой гарантии, что капитализм не будет продолжать спокойно загнивать и далее в течение длительного времени.

Вот мнение Маркса от 1844 года: «Социализм есть положительное, уже не опосредствуемое отрицанием религии самосознание человека, подобно тому как действительная жизнь есть положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, коммунизмом. Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является действительным, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека»²⁴.

Этот ближайший этап “развития и эмансипации” (коммунизм) остается ближайшим вот уже 176 лет, и пока неясно – сколько еще будет оставаться...

Постольку представителям этой позиции можно выдвинуть обвинение, что *социалистическая* революция в России 1917 года была преждевременной: «Советы Рабочих и Солдатских Депутатов должны взять власть не для /.../ непосредственного перехода к социализму. Этого быть не может.»²⁵.

«Не “введение” социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны СРД за общественным производством и распределением продуктов.»²⁶.

«Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не

может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования.»²⁷.

Тем не менее, большевики власть взяли и немедленно начали социалистические преобразования: «С другой стороны, начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества»²⁸.

Следом провели полную национализацию промышленности: «28 июня 1918г. был принят декрет о национализации крупной промышленности. /.../

Следует отметить, что первоначально планировалась национализация только крупной промышленности, однако логика классовой борьбы и гражданской войны вынудила провести тотальную национализацию. По декрету от 29 ноября 1920г. были национализированы все предприятия, насчитывающие свыше 5 рабочих при наличии механического двигателя и свыше 10 рабочих при отсутствии двигателя»²⁹.

Что привело к жуткому экономическому кризису (полная натурализация обмена, роль денег стали играть соль, спички и махорка) и крестьянским восстаниям – закономерное следствие пренебрежения большевиками историческим материализмом. Вот, кстати, что писал Ленин после частичного возврата большевиков к историческому материализму, т.е. введения НЭПа: «Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли»³⁰.

Второй аргумент, обосновывающий обвинение в отказе от марксизма представителей позиции “нормального социализма”, заключается в утверждении, что революция должна быть мировой, а построение социализма в одной отдельно взятой стране этому противоречит. Такое построение связывают обычно с именем И. Сталина. И отсюда пошло утверждение, что сталинизм противоречит марксизму, является его искажением.

Однако это мнение, что сталинизм противоречит марксизму и, тем более, ленинизму, является ошибочным, о чем говорил еще

А. Ципко: «И даже когда Ленин упразднил так называемую буржуазную демократию, свободы и права, завоеванные Февральской революцией, разгонял Учредительное собрание, он находил опору в Марксе, он действовал по Марксу.

Отбивая обвинения Каутского в том, что Октябрь принес не демократию, а деспотизм, Ленин в сущности, от себя говорит очень мало, он только цитирует Маркса и Энгельса. Я бы очень посоветовал перелистать работу Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» тем, кто никак не может поверить в то, что мы делали революцию и социализм по Марксу и Энгельсу.»³¹

«Но можно ли преодолеть сталинизм, соглашаясь с ним в том, что главная угроза социализму исходила от мелкого буржуа, крестьянина? Согласившись с этим, нужно признать, если быть последовательным, что Сталин правильно поступал, стараясь свести со света этот класс, мешающий якобы строительству нового общества в России.»³² То есть, по мысли А. Ципко, и сталинизм, и ленинизм вполне выводятся из марксизма.

Еще более подробно аргументировал это Э. Нигмати³³. Он утверждает, что обвинять сталинистов в отходе от марксизма неправомерно, поскольку марксизм как концепция изменялся на протяжении жизни Маркса-Энгельса:

1. Первые мысли о кризисах в Англии и революциях в континентальной Европе, с центром во Франции, а так же необходимости революционной войны, для перехода социализма в центр мировой торговли Англию высказаны в статье Маркса «Классовая борьба во Франции с 1847 по 1850 г.» (Т.7., начиная со С.80).³⁴

2. Формирование теории перманентной революции – начинается общедемократическая революция в Европе, рабочий класс переводит ее в социалистическую, переносит на весь материк. (Маркс К., Энгельс Ф. Обращение центрального комитета к Союзу коммунистов – Т.7, С.257-267) Центр пока во Франции, хотя обращение к немцам. Это ясно высказано в последних абзацах (С.267)³⁵.

3. О переносе революционного центра в Германию, первое теоретическое обоснование. (Энгельс Ф. Добавление к предисловию к "Крестьянской войне в Германии". Т.18, начиная со С.498, со слов *"Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы"*.)³⁶

4. О том, почему революция не находила себе места в Англии, борьба крупного капитала против мелкого, подкуп рабочих, положение лидера и т.д. И при каких условиях – конкуренция с растущими США и Германией – Англия должна революционизироваться. (Энгельс Ф. Приложение к американскому изданию "Положения рабочего класса в Англии". Т.21, С.260—266)³⁷.

5. Историческое и последнее обобщение переноса революционного центра в Германию. (Энгельс Ф. Социализм в Германии. Т.22. С.247-264)³⁸. В этой же статье опасения по поводу России, и ее жандармского положения. Косвенное и прямое обоснование революционной войны.

6. Наброски писем Маркса Засулич (Т.19. С.400-421)³⁹ – о возможности построения в России социализма, минуя капитализм.

7. О возможности русской революции, как толчка для европейской (Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России. Т.22, С.453)⁴⁰.

То есть первоначальное утверждение марксизма о том, что революция должна произойти в самой развитой стране, было изменено еще Энгельсом, перенесшим центр революционного процесса в Германию. Впоследствии этот центр переместился в Россию. Революция в России была необходимой предпосылкой европейской революции:

«Падение русского царизма, уничтожение Российской империи является, стало быть, одним из первых условий окончательной победы немецкого пролетариата»⁴¹.

И даже построение социализма в России, минуя капитализм, также допускалось при определенных условиях, об этом Маркс

писал в набросках к письму В. Засулич³⁹, об этом говорилось в предисловии к русскому изданию Манифеста⁴², а позднее повторил Ф. Энгельс в послесловии к работе «О социальном вопросе в России»⁴⁰.

Правда при этом *непрерывным* условием *успешности* строительства социализма в России полагалась одновременная революция в промышленно развитых странах — именно это и был ленинский план революции. «Русская революция является только первым этапом первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной.»⁴³

И еще: «А между тем наличность революционных и социалистических пролетарских масс внутри всех европейских государств есть факт, назревание и неизбежность всемирной социалистической революции не подлежат сомнению, и помочь этой революции серьезно можно, конечно, не делегациями, и не игрой в стокгольмские совещания с иностранными Плехановыми или Церетели, а только движением вперед русской революции.»⁴⁴

А вот в следующем году, уже после революции: «В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах ... пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран»⁴⁵.

Таким образом, Октябрьская *социалистическая* революция хотя и выглядит несколько экстравагантно с точки зрения классического марксизма (на этом именно основывается ее критика К. Каутским и Г. Плехановым), но марксистское обоснование такой революции (на момент ее свершения) вполне возможно, поскольку тогда гипотезу о европейской революции еще можно было обсуждать. Однако сразу надо отметить — *ленинская гипотеза*, что революция в России послужит запалом победоносной европейской революции, *сокрушительно провалилась*.

Ленин безнадежно ждал этой революции до самой своей смерти. **1918 год:** «Не только общеевропейская, но мировая пролетарская революция зреет у всех на глазах, и ей помогла, ее ускорила, ее поддержала победа пролетариата в России.»⁴⁶. «Все увидали, что

это только начало всемирной великой революции.»⁴⁷.
1919 год: «Само собой понятно, что окончательно может победить только пролетариат всех передовых стран мира, и мы, русские, начинаем то дело, которое закрепит английский, французский или немецкий пролетариат...»⁴⁸.

1923 год: «На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при нэпе, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда.»⁴⁹.

Впрочем, при всем утопизме ленинских взглядов на социальные процессы (неоправданная надежда на европейскую-мировую революцию, необоснованные расчеты на отмирающий характер советского государства), Ленин был вполне реалистом, чтобы понимать – все эти расчеты могут и провалиться. Как там ещё будет с мировой революцией? Неизвестно. Надо брать власть. Власть – это главное (по его мнению).

А потому он заранее начал обосновывать построение социализма в одной отдельно взятой стране – именно Ленин, а вовсе не Сталин. Еще в 1915 году Ленин утверждает возможность победы «социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁵⁰. «Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой.»⁵¹.

Как видите, ленинская политика, при всей ее экстравагантности и на первый взгляд противоречии теории марксизма, вполне согласуется с марксизмом. Во всяком случае, нет оснований отказывать ленинизму в том, чтобы он считался марксизмом. Конечно, ленинский план октябрьской революции выглядит несколько утопичным (не зря же Г.В. Плеханов назвал его бредом),

и даже сам Ленин осознает некоторую утопичность надежд на мировую революцию (иначе зачем бы обосновывать построение социализма в отдельной стране?), но ленинская политика полностью согласуется с революционностью классического марксизма – Ф. Энгельс до самой смерти противился отмене требования социалистической *революции*, противился идее, что переход к социализму возможен *эволюционным* путем.

И Э. Бернштейна обозвали ревизионистом вовсе не большевики, а Карл Каутский – которого позже уже большевики объявили ренегатом за критику русской *революции*.

Однако, обратите внимание – как первоначально Маркс аргументировал необходимость революции: «как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении (безусловно – *А.М.*), в революции (неоправданный переход, революция только один из частных случаев – *А.М.*); следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»⁵².

То есть революция нужна, во-первых, для массового появления коммунистического сознания. Сознание это, если следовать историческому материализму, вообще-то должно бы появиться в результате развития экономического базиса общества. Но во времена Маркса ничего подобного не было, а ждать, быть может, несколько столетий, Маркс *не желал* – он готовил немедленную, сегодняшнюю революцию. (Как впоследствии и Ленин не желал ждать развития капитализма.)

Во-вторых, революция нужна, чтобы рабочий класс смог “сбросить с себя всю старую мерзость” – то есть К. Маркс достаточно критично относился к эмпирическому рабочему классу и тем не менее собирался привести этот класс к власти. (Собирались ли? Или не весь класс, а только наиболее передовых его представителей? Рабочий класс совершает революцию, из него

выделяется передовой отряд сознательных пролетариев – номенклатура – которой и принадлежит реальная власть?)

Вообще, надо заметить, что *массовое* коммунистическое сознание (когда работа является жизненной *потребностью*, а не тяжелой необходимостью) продемонстрировали как раз не рабочие, а советские инженеры. Быть может рабочие и работали на субботниках 20-х годов с энтузиазмом (не застал... спорить не буду), однако уже в 70-е годы это было профанацией. А вот инженеры массово демонстрировали работу за ничтожный заработок, а иногда готовы были и платить за возможность поработать – поскольку эта работа являлась для них смыслом жизни.

Впрочем, позиция “нормального социализма в СССР”, хотя и может считаться вполне марксистской, порождает множество дополнительных вопросов. Да, разумеется, Октябрьская социалистическая революция и вся последующая история развития СССР есть эмпирический факт, и потому недостаточно просто констатировать ее слабое соответствие марксизму, а надлежит как-то объяснить с точки зрения марксизма, или хотя бы поставить вопросы – например о классовом строении советского общества. Ключевой вопрос тут – является ли классом номенклатура?

Вот мнение такого яркого сталиниста (марксиста-ленинца) как В. Ампилов: «Но вместо того, чтобы привлекать к этой функции, то есть к управлению государством, повседневному учету и контролю, миллионные массы трудящихся города и деревни, как учил нас Владимир Ильич, правящая в стране Коммунистическая партия монополизировала функции управления экономикой и распределения совокупного общественного продукта... Причем “приватизировала” вместе с постыдными для всякого коммуниста привилегиями, в виде спецмагазинов с продуктами лучшего качества, поликлиник и больниц с более квалифицированным медицинским персоналом, квартир повышенной комфортности, элитных школ для своих детей и так далее. Обладатели этих привилегий думали больше о личном материальном интересе, нежели об общественном. Огромный партийно-государственный бюрократический аппарат оттеснил массу рабочих и крестьян от

управления страной и сам превратился в класс, враждебный рабочим и крестьянам.»⁵³.

Впрочем, необходимых выводов, которые должны следовать из такой оценки реальности Советского Союза (классово-антагонистический характер, следовательно, отсутствие социализма), В. Ампилов не делает, поскольку это с необходимостью привело бы его на позицию “госкапитализма в СССР”, а он такую идеологическую эволюцию совершать *не желал*.

Утопичность взглядов В.И. Ленина заключается не в том, что базис социализма в России отсутствовал, а потому пролетарская революция не созрела, и такую революцию совершить невозможно – большевики доказали, что вполне возможно.

И даже возможно потом построить нечто, социализм напоминающее. Утопичность взглядов В.И. Ленина заключается в том, что он полагал – в России (СССР) вполне можно было построить государство социальной справедливости. Это оказалось нереально даже при условии победоносной социалистической революции.

Номенклатура как крупносоциалистический класс вовсе не является случайностью, следствием какого-то “искажения социализма”. Она является прямым следствием ленинской идеи партии нового типа, состоящей из профессиональных управленцев (революционеров-подпольщиков): «организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров*, имея в виду революционеров-социал-демократов).

Пред этим общим признаком членов такой организации *должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов*, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной»⁵⁴.

После взятия власти эта правящая партия и порождает класс номенклатуры – революция менеджеров Бёрнхэма. Еще раньше об

этом говорил польский анархо-синдикалист В. Махайский, который в 1899 году в книге «Эволюция социал-демократии» доказывал, что мессианизм социализма является замаскированной идеологией недовольной интеллигенции, использующей пролетариат в качестве орудия достижения власти для самой себя⁵⁵. Можно вспомнить и конфликт в I Интернационале, когда Бакунин обвинял Маркса: «авторитарный коммунист, и сторонник освобождения и новой организации пролетариата государством, то есть сверху вниз, через разум и научный подход просвещенного меньшинства, исповедующего, естественно, социалистические взгляды, и осуществляющего законную власть над невежественными и глупыми массами для блага их же самих»⁵⁶.

Как видите, и в этом пренебрежении проблемой перерождения захватившей власть революционной партии, превращения ее в новый эксплуататорский класс, В. Ленин является таким же последовательным марксистом, как и сам К. Маркс.

Это приводит к тому, что сторонники позиции “нормального социализма в СССР”, оправдывающие социальную реальность Советского Союза, фактически стоят на позиции идеологии класса номенклатуры, класса крупносоциалистического, а не идеологии, как им кажется, мелкосоциалистического рабочего класса. Что ярко проявляется в неприятии ими троцкистов – настолько, что они всех своих противников любят обвинять в троцкизме, по большей части совершенно необоснованно. А ведь именно троцкисты являлись наиболее последовательными среди большевиков борцами за внутрипартийную демократию. Также для этой позиции очень характерно отрицание классового характера номенклатуры, или по крайней мере – отрицание номенклатуры как класса для Советского Союза (классовый характер номенклатуры во время Перестройки вполне согласуется с “предательством” и “реставрацией капитализма”).

Для любого эксплуататорского класса всегда очень удобно, когда отрицается его классовый характер, то есть факт эксплуатации, а сама эксплуатация оправдывается либо необходимостью “построения коммунизма”, либо, к примеру, божественным покровительством королевской власти (царь

является помазанником божьим), а потому сталинисты крайне удобны для номенклатуры – их искреннее возмущение имеющейся сегодня в России социальной реальностью выливается в возмущение буржуазией, тогда как власть в сегодняшней России принадлежит вовсе не капиталистам, а прежде всего чиновникам (номенклатуре).

И крупная буржуазия обычно оказывается в оппозиции (либералы), или даже в тюрьме (тот же М. Ходорковский). Кроме того, сталинисты удивительным образом не видят естественный характер развития сегодняшнего правящего класса России из правящего класса Советского Союза (из номенклатуры), хотя сами же постоянно твердят о “предательстве” руководства КПСС.

А потому за пределами сознания сталинистов остается проблема закономерности развития сегодняшней России из Советского Союза – списывая все на “предательство”, сталинисты полагают такое развитие случайным.

Отрицая классовый характер номенклатуры, представители этой позиции ссылаются на *принятую* в марксизме *схему* периодизации истории – следом за капитализмом идет коммунизм (социализм как первая его фаза). А раз так, то никаких новых классов (после пары классов рабочих-капиталистов) существовать (возникать) не может. Следовательно, (с этой точки зрения) и номенклатура не может быть классом.

В результате во всех спорных случаях, когда с точки зрения стандартного марксизма невозможно точно определить классовую принадлежность тех или иных социальных слоев, этим слоям приписывается дежурная мелкобуржуазность. И это еще в начале XX столетия начало приводить к ошибочности марксистского классового анализа⁵⁷.

Отказ адекватно исследовать современную социальную реальность, навязывание этой реальности *априорных теоретических схем* является ярким признаком *идеализма* представителей этой позиции современного марксизма.

Это тем более верно, что еще советский марксизм-ленинизм обвиняли в том, что экономическое развитие Советского Союза

подчинено политическим целям – одно из основных обвинений, предъявляемых народом Компартии в годы Перестройки. Следовательно, мы можем квалифицировать сторонников этой позиции как представителей исторического идеализма.

* * *

Таким образом, мы имеем три позиции современного отечественного марксизма.

Первая отрицает факт построения социализма в СССР, не признает социалистический характер советского общества, указывает на наличие в нем классовых антагонизмов.

Две другие отрицают явление эксплуатации советским государством советского народа, но расходятся в том, что одна из них признает многочисленные искажения социалистического характера Советского Союза, а другая либо не признает эти искажения, либо оправдывает их.

Ни одна из них не может эффективно блокировать либеральную идеологию, поскольку все они исходят из идеологии рабочего класса, а то состояние производительных сил, что когда-то привело к возникновению рабочего класса (и его идеологии) – в глубоком прошлом.

Производительные силы изменились: «всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях. Так как важнее всего не лишиться плодов цивилизации – приобретенных производительных сил, то надо разбить те традиционные формы, в которых они были произведены. С этого момента прежний революционный класс становится консервативным»⁵⁸.

По этой именно причине рабочий класс становится консервативным на пороге XX века и сохраняет некоторую революционность только в отсталых странах. Да, в современной России идеология рабочего класса снова становится актуальной – поскольку разложившийся правящий класс Советского Союза устроил Перестройку, в результате которой произошла деиндустриализация страны.

Необходимость новой индустриализации (восстановления экономики) возрождает идеологию как буржуазии, так и рабочего класса (в их диалектическом единстве).

Но дело-то не только и не столько в России. Проблема в том, что переход к новой формации должен быть мировым, произойти он должен в развитых странах, к которым Россия не относится – если уж уровень Португалии является для нас желанной целью.

А потому необходим стратегический союз левого движения с наиболее передовыми отрядами людей наемного труда – скажем, с Пиратской партией. Но именно то, что марксисты до сих пор в массе оперируют идеологией рабочего класса, отталкивает Пиратский интернационал в ряды либералов.

Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой ее будущее

Мы все в советские годы развивались и воспитывались в рамках третьей из этих позиций, являвшейся официальной идеологией Советского Союза.

Как только тот или иной марксист осознавал наличие проблем в официальной идеологии, начиналась его идеологическая эволюция – постепенный переход на вторую позицию “искаженного социализма” (формально это можно обозначить как отказ от сталинизма и возврат к ленинизму).

Нередко эволюция на этом не останавливалась, и с осознанием неоднозначности ленинизма (с точки зрения классического марксизма) происходил переход на позицию “отрицания социализма в СССР” (формально это можно обозначить как отказ от ленинизма и возврат к классическому марксизму).

Если же смотреть на эти процессы не ретроспективно, а от исходной точки (от классического марксизма), то можно говорить о тезисе классического марксизма (исторического материализма) – из этой позиции следует несоциалистический характер СССР.

А потому этот тезис отрицается антитезисами “социализма в СССР” и “искаженного социализма в СССР” – обе позиции являются отрицанием исторического материализма (отрицанием

определяющего характера экономического базиса) и полагают, что политические процессы (процессы в надстройке) не только могут, но и должны приводить к изменению производственных отношений, т.е. эта позиция является историческим идеализмом (см. [«Приложение критики Ф. Энгельсом “теории насилия Дюринга” к критике Октябрьской революции»](#)).

Как видно, мы имеем тут два несколько отличающихся антитезиса, что, казалось бы, противоречит диалектике. Однако это кажущееся противоречие и является следствием недостаточного развития диалектики как таковой⁵⁹.

Посмотрите на развитие другой спекулятивной системы – математики. Когда-то давно математики также искали единственное решение. Но по мере развития выяснилось, что решений может быть два и более, после чего найденное решение обязательно стали исследовать на единственность. В диалектике же в принципе никто не ставит проблему единственности антитезиса, что, вообще говоря, неправомерно.

Наличие тезиса и антитезисов должно, очевидно, предполагать наличие синтеза – чтобы диалектическая триада получила завершение. И это приводит нас к четвертой позиции в современном отечественном марксизме.

Все три вышеописанные позиции, даже в том случае, если отрицают ленинизм, тем не менее, исходят из эмпирического факта Октябрьской революции 1917 года как практической реализации теории империализма, выдвинутой В.И. Лениным⁶⁰.

В этой работе Ленин характеризует монополистическую стадию капитализма как загнивающий капитализм, канун социалистической революции. Все три вышеописанные позиции априорно полагают теорию империализма истинной, а потому могут рассматриваться как варианты ленинизма.

Смотрите, к примеру, как большевики обосновывали необходимость изменения Программы партии: «Съезд постановляет изменить программу нашей партии, переработав теоретическую часть или дополнив ее характеристикой империализма...»⁶¹.

Сама теория империализма была выдвинута В. Лениным для объяснения эмпирического факта – все ещё отсутствия мировой революции даже в начале XX века. Исходный марксизм прогнозировал надвигающуюся революцию еще в 1848 году.

В «Принципах коммунизма» Ф. Энгельс пишет: «вполне убедительно доказано /.../ уже имеются средства для окончательного устранения этих бедствий путем создания нового общественного строя»⁶².

Эта революция и произошла в том же 48 году, но... не победила. Далее этой революции, которая вот-вот должна произойти, ждали всю вторую половину столетия, и в 1891-92 годах Ф. Энгельс публикует прогноз такой революции. Он анализирует рост числа голосов, отданных за социалистов на выборах в Германии с 1871 по 1890 года, и делает вывод: «На выборах 1895 г. мы можем поэтому рассчитывать по меньшей мере на 2,5 миллиона голосов; это число, однако, к 1900 г. может увеличиться до 3,5 – 4 миллионов из 10 миллионов избирателей, внесенных в списки.»⁶³.

Далее он анализирует буржуазные партии, этих партий четыре, и каждая из них имеет от 1,1 до 1,4 млн. голосов, и говорит: «Это означает такое положение, при котором солидная партия, располагающая свыше 2,5 миллионов голосов, может заставить капитулировать любое правительство.»⁶⁴.

Далее на этой же странице он отмечает, что в армии идет рост популярности социалистов и к 1900 году армия в большинстве станет социалистической. Таким образом, Энгельс делает вывод, что победа рабочей революции неизбежна.

Но... наступает XX век, а революции как не было, так и нет! Парадокс!!!

Этот парадокс требовал объяснения.

Объяснения и были даны – два взаимоисключающих. Теория империализма В. Ленина и теория оппортунизма Э. Бернштейна.

Возникла стандартная в науке ситуация конкуренции гипотез, когда имеются две (или больше) конкурирующие гипотезы, дающие разные предсказания относительно результата возможного

эксперимента (или результата наблюдения стихийно возникшего эмпирического материала).

Теория империализма давала правдоподобное объяснение задержке мировой революции и квалифицировала текущую стадию капитализма (монополистический капитализм) как канун социалистической революции. Для практической реализации этой теории и возник план Октябрьской революции. Однако этот план как *необходимое условие успешности* построения социализма предполагал революцию мировую – чего до сих пор не произошло (вот уже в течение 100 лет). Это закономерно вызывает многочисленные споры – А был ли вообще построен в СССР социализм?

Русская революция не была единственной в XX веке, но вот фокус – все революции происходили в слаборазвитых странах. Революций же (победоносных) в наиболее развитых странах не происходит – на протяжении вот уже 170 лет, если считать от «Манифеста». Если же брать ленинскую теорию империализма, то канун революции, который вот уже 100 лет остается все тем же кануном, вызывает сильные сомнения.

В то же время теория империализма с самого начала противоречила историческому материализму. «Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁶⁵.

Но если это так, тогда утрата революционности пролетариатом Англии, а следом и Франции, сдвиг центра революционной борьбы в Германию, а позднее в Россию должен говорить не только (не столько) о том, что революция сдвигается в Россию, сколько о том, что нормальное развитие политического процесса ведет к отказу от революционности и переходу к парламентским, эволюционным методам борьбы. Революционность рабочего класса – следствие

социально-экономической неразвитости какой-либо страны, архаичности ее пролетариата⁶⁶.

Когда же начал проваливаться и прогноз Ф. Энгельса от 1891 года о ближайшей революции в Германии, Э. Бернштейн высказал напрашивающуюся идею, что парламентский метод борьбы эффективнее подготовки революции:

«Смешно же, по прошествии пятидесяти лет, аргументировать фразами «Коммунистического манифеста», которые соответствуют совершенно иным политическим и социальным отношениям, чем те, среди которых мы живем. Не нужно быть апологетом существующего строя, чтобы признать, что со времен появления «Манифеста» в государственном и гражданском положении рабочих произошел значительный прогресс.»⁶⁷. К тому же положение о революции в Программе партии вредит ее электоральным успехам.

Однако это предложение Э. Бернштейна шло вразрез с тем изменением теории, что сделали сами Маркс-Энгельс, и с последними статьями и письмами Ф. Энгельса, где он подтверждал курс на революцию, а не на реформу. А потому от Бернштейна потребовали подробнее обосновать свои предложения с точки зрения марксизма, чего он сделать не смог – в то время для этого не хватало эмпирического материала.

Еще раз сравним между собой теорию оппортунизма и теорию империализма.

Ленинская теория давала правдоподобное объяснение наметившемуся расхождению марксизма с эмпирической реальностью и не требовала какого-либо изменения исходной теории марксизма в том виде, как ее оставили Маркс-Энгельс. То, что теория империализма не подтверждается эмпирической реальностью, стало очевидно только к концу XX столетия.

Теория Бернштейна давала другое, также возможное в рамках марксизма, объяснение расхождения теории и практики, но приходила в противоречие с тем объяснением этого расхождения, что дали сами Маркс-Энгельс. Предложения Бернштейна требовали некоторого изменения исходной теории, исчерпывающе

объяснить которые в то время было невозможно – отсутствовал необходимый эмпирический материал. Поэтому Э. Бернштейна обозвали ревизионистом, а его предложения были отвергнуты. То, что теория Э. Бернштейна лучше подтверждается ходом истории, чем ленинская теория империализма, стало понятно только к концу XX столетия.

Отсутствие более чем в течение 170 лет успешной мировой революции, о которой говорит марксизм, заставляет переосмыслить сам этот прогноз, сделанный Марксом–Энгельсом.

В разных текстах К. Маркс и Ф. Энгельс используют *три различные* диалектические триады, назовем их Узкой, Малой и Большой⁶⁸. Эти триады начинаются с *существенно разных тезисов*, но в качестве синтеза *во всех случаях* предлагается коммунизм. Именно это смешение (отождествление) между собой различных диалектических триад и порождает ошибки в прогнозах, когда возникает впечатление, что прогнозы до сих пор не реализованы.

Узкая триада описана в ранних текстах, прежде всего в «Принципах коммунизма». Начинается она в мануфактурном капитализме, отрицается в развитом капитализме, а в качестве синтеза предлагается коммунизм.

Вот исходная точка и ее отрицание: «В результате, мы пришли теперь к тому, что в цивилизованных странах почти во всех отраслях труда утвердилось фабричное производство и почти во всех этих отраслях ремесло и мануфактура вытеснены крупной промышленностью. Вследствие этого прежнее среднее сословие, в особенности мелкие ремесленные мастера, все более разоряется, прежнее положение работника совершенно меняется и создаются два новых класса, которые постепенно поглощают все прочие»⁶⁹.

Эта триада показывает *необходимость и неизбежность* обобществления собственности, создания общественного капитала. Естественное развитие европейской экономики спонтанно привело к обобществлению собственности, хотя и не тотальному, как полагали марксисты, а частичному — начали возникать акционерные общества, появилась собственность в одно и то же

время и частная (акция), и общественная (акционерное *общество*), как гегелевское высшее единство снятого противоречия.

Кризисы перепроизводства привели к акционированию как *естественной* (естественно-исторической, объективной, не зависящей от сознания отдельного капиталиста, поскольку его действия не произвольны, а полностью *вынужденны*) защитной реакции — монополизированные предприятия обладают повышенной устойчивостью.

Этот способ борьбы с кризисами стал широко пропагандироваться, и Маркс через 4 года после издания «Капитала» называет его «возможным коммунизмом»: «Однако те представители господствующих классов, – и их не мало, – которые достаточно умны, чтобы понять, что настоящая система не может долго существовать, стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. /.../ не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, “возможным” коммунизмом?»⁷⁰.

Термин “кооперативное производство” оказывает тут маскирующее влияние. Надо понимать, что речь идет не о кооперативах в том виде, в каком они существовали в СССР, а о кооперации крупного производства – о синдикатах, картелях и трестах. К XX веку становление монополизма завершается: «Для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века.»⁷¹.

Энгельс успевает еще заметить, что и власть от капиталистов начинает переходить к управляющим (менеджерам): «Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять.»⁷².

«Результат, стало быть, таков: экономическое развитие нашего современного общества все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми уже не могут более руководить отдельные капиталисты.

/.../ Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие, наемные служащие компании, с успехом *могут* делать и делают.»⁷³.

Тут надо подчеркнуть, что менеджер хотя и является наемным работником, но он отнюдь не является рабочим. Отождествление менеджера с рабочим, что делает Ф. Энгельс (и у К. Маркса также можно встретить подобное отождествление), неправомерно. Рабочий класс, быть может, и совершает революцию, но в результате из него выделяется класс менеджеров, который становится новым эксплуататорским классом пост-капиталистической эпохи - революция менеджеров, а вовсе не рабочего класса.

Обратите внимание на двусмысленность применения термина “коммунизм” самим К. Марксом – термин “возможный коммунизм” применяется ко вполне капиталистической действительности.

Как видите, гипотеза 1844-48 годов об отрицании капитализма (точнее – отрицании производственной анархии) начала подтверждаться уже в 70-х годах и полностью подтвердилась на рубеже столетия, т.е. через 50 с лишним лет после того, как была сделана – за одним исключением: это эволюционный процесс. Революции и захвата власти пролетариатом (мировой революции) пока не произошло.

Малая триада описывается в «Капитале» и, например, в Эрфуртской программе⁷⁴. Начинается она в феодализме, отрицается при капитализме: «Промышленные капиталисты, эти новые властители, должны были, со своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. /.../ Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в изменении формы его порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую»⁷⁵.

В качестве же синтеза снова предлагается коммунизм: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют. Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а

следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это - отрицание отрицания»⁷⁶.

Предлагается тот же синтез, что и в Узкой триаде, несмотря на то, что это существенно другая триада, отличная от нее – возникновение капитализма рассматривается с точки, которая лежит до мануфактурного капитализма, то есть тезис Малой триады даже хронологически предшествует тезису Узкой триады, это существенно *разные* тезисы. Малая триада к сегодняшнему дню также завершилась синтезом, во всяком случае основное противоречие капитализма – противоречие между общественным характером производства и частным характером потребления (присвоения) – полностью преодолено (в развитых странах). Именно это и позволяет говорить о том, что произошел переход от капитализма к следующей более прогрессивной общественной формации.

Однако ни реальность Советского Союза, ни реальность развитых стран не дают возможность утверждать, что эта более прогрессивная чем капитализм общественная формация является какой-либо фазой коммунизма.

Довольно интересно, что первоначально Карл Маркс провел правильное диалектическое преобразование Малой триадой:

«Тезис: Феодалная монополия, предшествовавшая конкуренции.

Антитезис: Конкуренция.

Синтез: Современная монополия, которая, поскольку она предполагает господство конкуренции, представляет собой отрицание феодалной монополии и в то же время, поскольку она является монополией, отрицает конкуренцию.

Таким образом, современная монополия, буржуазная монополия, есть монополия синтетическая, отрицание отрицания, единство противоположностей»⁷⁷.

Как видите, о какой-либо фазе коммунизма речи нет. Коммунизм в качестве вывода из Малой триады появится позднее – и не будет подтвержден последующим ходом исторического процесса. А вот монополизм как состояние экономики на следующей за капитализмом общественной стадии полностью подтвердился. О том, как из монополизма следует новый (социалистический, посткапиталистический, постиндустриальный) способ производства, показано, к примеру, в «Ноосферной революции»⁷⁸.

Наконец **Большая диалектическая триада** описывается хотя бы в набросках ответа на письмо В.И. Засулич⁷⁹.

Эта триада начинается в первобытном бесклассовом обществе, отрицается в различных классовых обществах (тут предполагается дополнительное деление на малые формации – рабовладение, феодализм и капитализм) и в качестве синтеза идет снова бесклассовое общество, но уже на новой экономической основе. Коммунизм в буквальном, а не в переносном, смысле слова оправдан в качестве синтеза только для этой Большой диалектической триады марксизма.

Необоснованное отождествление между собой этих трех различных диалектических триад привело к ошибкам в принятой в марксизме схеме исторического прогресса.

Самое главное – следующая за капитализмом формация полагается фазой коммунизма, в то время как ни социальная реальность Советского Союза, ни социальная реальность развитых стран не позволяют говорить об отсутствии классовых антагонизмов на этой, следующей за капитализмом общественной стадии. Для простоты будем называть эту стадию социализмом, хотя можно было бы применить и другой термин, например – постиндустриальное (посткапиталистическое) общество.

Однако, надо четко сознавать отличие данной трактовки социализма от общепринятой в марксизме – главное отличие состоит как раз в признании при социализме классовых антагонизмов, т.е. социализм в данной трактовке хотя и является более прогрессивной формацией по сравнению с капитализмом, но

принципиально не является и не может являться какой-либо фазой коммунизма.

В марксизме описывается революционный путь построения социализма – совершается пролетарская революция, отменяется частная собственность, создается Госплан, чем уничтожается анархия производства, а вместе с ней возможность кризисов неплатежей (перепроизводства). Создаются значительные фонды общественного потребления, из которых финансируется образование и здравоохранение, а также социальное обеспечение в случае болезни или инвалидности.

Значительные средства направляются на снижение стоимости жизни (регулярное снижение цен) и на решение жилищной проблемы, т.е. на повышение уровня жизни советского народа – в соответствии с марксистской политэкономией это означает увеличение относительной прибавочной стоимости⁸⁰, т.е. усиление эксплуатации: «всякое длительное понижение цены на продукты, жизненно необходимые для рабочего, равносильно, «на основе железных законов учения о народном хозяйстве», понижению стоимости рабочей силы и поэтому, в конце концов, приводит к соответственному понижению заработной платы. Заработная плата, таким образом, упала бы в среднем на сбереженную среднюю сумму квартирной платы, то есть рабочий платил бы наемную плату за свой собственный дом, но не так, как прежде, в виде денег домохозяину, а в виде неоплаченного труда фабриканту, на которого он работает.

Таким образом, вложенные в домик сбережения рабочего действительно стали бы в некотором роде капиталом, но капиталом не для него, а для того капиталиста, на которого он работает»⁸¹.

То, что этот капиталист является обобщенным и оформленным в виде государства, особой роли не играет - прибавочная стоимость (продукт) точно так же изымается и расходуется без учета мнения работника о цели расходования.

В марксизме не предполагается, что правящий класс советской номенклатуры может иметь какие-то привилегии. Более того, когда В.И. Ленин подбивал народ на Октябрьскую революцию, он

особенно упирал на то, что всяческие привилегии будут уничтожены: «Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего»⁸².

Тем не менее, привилегии номенклатуры в той или иной форме – это постоянное явление на всем протяжении советской власти. Как только номенклатура стала наследственной, надлежит говорить о ее классовом характере, соответственно, о провале попытки построить в СССР общество социальной справедливости.

Кроме революционного пути построения более прогрессивной по отношению к капитализму общественной формации (социализма) в истории реализовался и эволюционный путь – первоначально в США. Регулярные кризисы перепроизводства привели к тому, что на рубеже XX века подавляющее большинство предприятий в развитых странах стали монополизированными – это позволяло выживать в кризисах неплатежей. И Маркс еще успел назвать этот процесс «возможным коммунизмом». Однако монополизация промышленности, создание синдикатов, картелей и трестов, хотя и позволяет предприятиям избегать банкротства, то есть смягчает тяжесть кризиса для собственников предприятий, но не снимает эту тяжесть с наемных работников – основное противоречие капитализма между общественным характером производства и частным характером потребления не устраняется простым обобществлением собственности. Да и сами кризисы также этим не устраняются. То есть от простого обобществления собственности самого по себе (создания акционерного общественного капитала) переход к новой общественной формации не происходит – этого *недостаточно*.

Действительный переход к новой формации в США произошел, когда Ф.Д. Рузвельт выводил страну из Великого экономического кризиса 1929 года⁸³.

Создание общественных (государственных) фондов потребления, из которых финансировались пособия по безработице, создает общественный характер потребления также – основное противоречие капитализма преодолевается. Это определяет переход к новой общественно-экономической

формации. После этого США (а позднее и развитые страны также) не подвергаются разрушительным последствиям регулярных кризисов неплатежей – до самого последнего времени, когда мировые элиты начали сворачивать европейское социальное государство, переводя промышленность в развивающиеся страны и снижая доходы европейского среднего класса, т.е. проводя ползучую ревизию реформ Рузвельта. А в результате и разразился Мировой экономический кризис^{84, 85}.

Необходимо подчеркнуть естественный (*естественно-исторический*) характер перехода от капитализма к социализму (в отличие от *идеалистического* восстания или развития классового *сознания* в трактовке большевиков).

«Грубая потребность рабочего — гораздо больший источник дохода, чем утонченная потребность богача. Подвальные помещения в Лондоне приносят своим хозяевам больше дохода, чем дворцы, т. е. они являются в отношении приносимого ими дохода большим богатством и, значит, выражаясь на языке политической экономии, большим общественным богатством»⁸⁶. Еще во времена раннего Маркса массовое потребление пролетариата давало большую экономическую выгоду, чем роскошное потребление элиты. Развившийся с тех пор экономический базис общества (базис социализма) тем более производит столько товаров, что невозможно возложить тяжкую обязанность их потребления только на элиту – не справятся, и в обществе разразится масштабный экономический кризис перепроизводства. Социальные гарантии, ликвидация бедности (исчезновение бедных классов), высокие доходы средних классов не являются морально-этическим требованием воспаленной совести политиков-утопистов. Это неизбежное условие современной экономики, требующей поддержания высокого платежеспособного спроса. Именно политика нашего правительства, искусственно сдерживающего рост заработной платы наемных работников (соответственно, уровень жизни народа) является непосредственной причиной длительного кризиса отечественной экономики.

Таким образом. описанная здесь четвертая позиция⁸⁷ в современном отечественном марксизме включает в себя первые три позиции как частные случаи, полностью снимая противоречие между ними. Подтверждается утверждение позиции “госкапитализма” о классово-антагонистическом характере советского общества, соответственно, подтверждается вся критика СССР, наработанная представителями этой позиции, но одновременно подтверждается и утверждение о “социализме в СССР”, а противоречие между этими позициями снимается.

Классово-антагонистический характер советского общества – это просто вопрос о привилегиях номенклатуры (предательстве номенклатуры), высказанный в других терминах. И без перехода на эту четвертую позицию представители позиции “нормального социализма” в принципе не смогут ответить на вопрос о том – случайно или закономерно это предательство? А потому будут вынуждены безнадежно и бесконечно искать предателей, которые порождаются (порождались) самой социальной действительностью Советского Союза. Наконец, только на основе этой четвертой позиции возможно снять проблему Сталина, до сих пор раскалывающую левое движение⁸⁸.

Конструктивная критика Советского Союза необходима именно потому, что СССР был “экспериментом” построения государства социальной справедливости и этот эксперимент провалился – такое государство построить не удалось.

Когда охранители большевизма отказываются замечать многочисленные социальные противоречия СССР, лакируют имевшуюся действительность, то они наносят вред прежде всего марксистской теории, а это уже ведет к ошибочности анализа сегодняшней действительности и провалам в текущей политике (они ничем, собственно, не отличаются от охранителей, лакирующих сегодняшнюю действительность России).

С другой стороны, в Советском Союзе впервые была построена более прогрессивная, чем капитализм, общественно-экономическая формация. Огромное количество социальных достижений трудящихся впервые появилось именно в СССР,

это уже потом они были введены в европейском социальном государстве – забывать об этом также не стоит. Обе эти стороны Советского Союза существуют неразрывно, составляют диалектическое единство. Отбрасывание (замалчивание) любой из этих сторон создает искаженное мировосприятие и ведет к поражениям.

Если используемая нами социальная теория является в чем-то неполной, не учитывает некоторые социальные эффекты, а другие описывает ошибочно (как это имело место в марксизме в том виде, как он сформировался на начало XX столетия), то попытка сознательного формирования Истории на основе такой теории ничем принципиально не отличается от попыток воздействия на Историю вообще без какой-либо оглядки на какую бы то ни было социальную теорию, то есть стихийно⁸⁹.

Прыжок из царства необходимости в царство свободы, тем самым, превращается в фикцию. Избежать такого положения, вернуть марксизму статус научной теории можно только применяя обычные в науке способы развития теории – то есть анализируя имеющиеся в марксизме прогнозы и их соответствие эмпирической реальности⁹⁰.

[Приложение: «Приложение критики Ф. Энгельсом “теории насилия Дюринга” к критике Октябрьской революции»](#)

Литература

1. Мальцев А. Гносеологические ошибки марксизма // Камо грядеши. URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr389.html>

2. Ленин В. И. Государство и революция. // Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т.33. С.24.

3. Плеханов Г.В. Открытое письмо к петроградским рабочим. // Единство. 1917. 28 октября.

4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.20, М.: ГИПЛ, 1961. С.316.

5. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. 1917-1922. М.: ИПЛ, 1983. С.73.

6. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков). С.76.
7. Восленский М. Номенклатура. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. С.552 и далее.
8. Хоцей А. Теория общества. Т.Ш. Книга вторая. Казань: ПИК «Дом печати», 2002. С.450.
9. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков). С.83.
10. Каутский К. От демократии к государственному рабству (Ответ Троцкому). [URL: http://revarchiv.narod.ru/kautsky/oeuvre/fromdemocracy.html#st26](http://revarchiv.narod.ru/kautsky/oeuvre/fromdemocracy.html#st26)
11. Энгельс Ф. Примечания к «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.22, М.: ГИПЛ, 1962. С.623.
12. Энгельс Фридрих – Эдуарду Бернштейну, 12 марта 1881 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.35. М.: ИПЛ, 1964. С. 140.
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. М.: ГИПЛ, 1974. С. 114, 115. 116.
14. Там же. С.98.
15. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. С. 289-290.
16. Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.22. М.: ГИПЛ, 1962. С.236.
17. Славин Б.Ф. О социализме, свободе и тоталитаризме. // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С.100-101.
18. Колганов А. 1917 год: Проблема двух революций в России и современность. // Альтернативы. №4. 2007. С.22.
19. Колганов А.И. К оценке социально-экономической природы общества советского типа. // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С.373, 374.

- [20](#). Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. М.: ГИПЛ, 1955. С.425-426.
- [21](#). Маркс К. Наемный труд и капитал. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.6. М.: ГИПЛ, 1957. С.445.
- [22](#). Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. М.: ГИПЛ, 1955. С.62.
- [23](#). Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. М.: ГИПЛ, 1959. С.7.
- [24](#). Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.127.
- [25](#). Ленин В.И. 7-я всероссийская конференция РСДРП(б). Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая). Протокольная запись. // Ленин В.И. ПСС. Т.31. С.356.
- [26](#). Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции. Тезисы. // Ленин В.И. ПСС. Т.31. С.116.
- [27](#). Ленин В.И. 7-я всероссийская конференция РСДРП(б). Резолюция о текущем моменте. // Ленин В.И. ПСС. Т.31. С.451.
- [28](#). Ленин В.И. Доклад на VII Съезде РКП 8 марта 1918 года «О пересмотре программы и изменении названия партии» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. 1917-1922. М.: ИПЛ, 1983. С.46.
- [29](#). Чунтулов В.Т., Кривцова Н.С., Чунтулов А.В., Тюшев В.А. Экономическая история СССР. М.: Высшая школа, 1987. С.143, С.159.
- [30](#). Ленин В.И. Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. // Ленин В.И. ПСС. Т.45. С.285.
- [31](#). Ципко А.С. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М.: Мол. гвардия, 1990. С.47.
- [32](#). Ципко А.С. Там же. С.35.
- [33](#). Э.Нигмати. Сообщение в электронной рассылке экономперсоналистов.

- [34.](#) Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.7. С.80 и далее.
- [35.](#) Маркс К., Энгельс Ф. Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т.7. С.257-267.
- [36.](#) Энгельс Ф. Добавление к предисловию 1870 г. К «Крестьянской войне в Германии». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.18. М.: ГИПЛ, 1961. С.498-500.
- [37.](#) Энгельс Ф. Приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. М.: ГИПЛ, 1961. С.260-266.
- [38.](#) Энгельс Ф. Социализм в Германии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.22. М.: ГИПЛ, 1962. С.247-264.
- [39.](#) Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. М.: ГИПЛ, 1961. С.419-420.
- [40.](#) Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.22. М.: ГИПЛ, 1962. С.438-453.
- [41.](#) Энгельс Ф. Введение к брошюре «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.18. М.: ГИПЛ, 1961. С.567.
- [42.](#) Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т.19. М.: ГИПЛ, 1961. С.304-305.
- [43.](#) Ленин В.И. 7-я всероссийская конференция РСДРП(б). Резолюция о текущем моменте. С.450.
- [44.](#) Ленин В.И. Русская революция и гражданская война. // Ленин В.И. ПСС. Т.34. С.226.
- [45.](#) Резолюция «О войне и мире» Седьмого экстренного съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. 1917-1922. М.: ИПЛ, 1983. С.27.
- [46.](#) Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. // Ленин В.И. ПСС. Т.37. С. 305.

47. Ленин В.И. Речь на III Съезде рабочей кооперации 9 декабря 1918 г. // Ленин В.И. ПСС. Т.37. С. 348.
48. Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Ленин В.И. ПСС. Т.39. С.330.
49. Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. // Ленин В.И. ПСС. Т.45. С. 401.
50. Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. // Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т.26. С.354.
51. Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции. // Ленин В.И. ПСС. Т.30. С.133.
52. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С.70.
53. Ампилов В. Наша борьба. М.: Трудовая Россия, 2002. С.53-54.
54. Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. ПСС. Т.6. С.112.
55. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.:Academia, 2004. Примечания на С.130.
56. Бакунин М. Мои отношения с Марксом // Махпарк. URL: <https://maxpark.com/community/5325/content/6011706>
57. Мальцев А. Ошибки современного марксистского классового анализа // Камо грядеши. URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr420.html>
58. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т.4. М.: ГИПЛ, 1955. С.144.
59. Мальцев А. О диалектической триаде (вопрос единственности антитезиса) // ЖЖ: <http://anatolsen.livejournal.com/196288.html>
60. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. // Ленин В.И. ПСС. Т.27. С.299 – 426.
61. Резолюция Седьмого Съезда РКП(б) «Об изменении названия партии и партийной программы» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. 1917-1922. М.: ИПЛ, 1983. С.27.

- [62.](#) Энгельс Ф. Принципы коммунизма. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. М.: ГИПЛ, 1955. С.329.
- [63.](#) Энгельс Ф. Социализм в Германии. С.253.
- [64.](#) Там же.
- [65.](#) Маркс К. Капитал. Предисловие к первому изданию. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. М.: ГИПЛ, 1960. С.8-9.
- [66.](#) Мальцев А. Архаика революции // Демократия и социализм XXI. №2. 2015. URL: http://mrija2.narod.ru/dem16_15.html
- [67.](#) Эдуард Бернштейн. Очерки из истории и теории социализма. С-Пб, 1902. Стр.236.
- [68.](#) Мальцев А. Логика ошибки // «Камо Грядеши». URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr352.html>
- [69.](#) Энгельс Ф. Принципы коммунизма. С.323.
- [70.](#) Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.17.М.: ГИПЛ, 1960. С.346-347.
- [71.](#) Ленин В. Империализм, как высшая стадия капитализма. С.315.
- [72.](#) Энгельс Ф. Общественные классы — необходимые и излишние // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. М.: ГИПЛ, 1961. С.298.
- [73.](#) Там же. С.299.
- [74.](#) Каутский К. Эрфуртская программа. М.: Книгоиздательство Е.Д.Мягкова «Колокол», 1905. 292с.
- [75.](#) Маркс К. Капитал. Том I. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. М.: ГИПЛ, 1960. С.727-728.
- [76.](#) Маркс К. Капитал. Том I. С.773.
- [77.](#) Маркс К. Нищета философии. С.165.
- [78.](#) Мальцев А. Ноосферная революция // «Камо грядеши». URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr88.html>
- [79.](#) Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. С.400-421.
- [80.](#) Маркс К. Капитал. Т.1. Гл. 14. С.516 и далее.

81. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.18. М.: ГИПЛ, 1961. Стр.236

82. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции. С.115.

83. Гэлбрейт Дж. Кейнс, Рузвельт и две революции, дополнившие друг друга. // Новое индустриальное общество. М.: Эксмо, 2008. С.743-749.

84. Мальцев А. Выводы из кризиса – глобальное кейнсианство // СД-информ.

URL: <http://www.sd-inform.org/biblioteka/politologija/social-demokratija/malcev-andrei-vyvody-iz-krizisa-globalnoe-keinsianstvo.html>

85. Мальцев А. Жадность фраера губит // Камо Грядеши. URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr331.html>

86. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.134.

87. Мальцев, Андрей Анатольевич // Библиотека социалистической литературы

URL: https://vk.com/anatolsen?w=page-8060100_10472917

88. Мальцев А. Можно ли в принципе совместить признание И.Сталина с левыми взглядами? // Камо Грядеши.

URL: <http://anatolsen.livejournal.com/153108.html>

89. Мальцев А. Объективность в Истории // Камо Грядеши. URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr298.html>

90. Мальцев А. Гипотезы и прогнозы марксизма. Подтверждение и опровержение // Камо Грядеши.

URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr400.html>

Лысая гора февраль 2020 г.